

Бессарабия и Приднестровье после событий Русско-турецкой войны 1806–1812 гг.

Аннотация: В статье рассмотрены характерные черты периода истории Бессарабии и Приднестровья после событий Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. до начала XX в., определено значение Бухарестского мирного договора, согласно которому состоялось присоединение Бессарабии к Российской империи по итогам военной кампании. Условия Бухарестского мирного договора были важны для населения края, т.к. если бы Бессарабия в 1812 г. осталась под властью Османской империи, то к середине XIX в. она вместе с остальной частью исторической Молдавии вошла бы в состав Румынского государства. А те незначительные автономные начала и особенно льготы, которые были предоставлены Россией Бессарабии в 1812–1818 гг. и зафиксированы в Положении 1813 г. и Уставе 1818 г., имели положительное значение для экономического развития края, его заселения. Анализ социально-экономических и этнических процессов в бассейне Днестра на основе опубликованных источников и данных периодики убедительно свидетельствует о положительном влиянии присоединения Бессарабии к России, формировании исторического региона со свойственными ему закономерностями политического, социального и экономического развития, диалогом традиций и культур различных этнических групп. Присоединение Бессарабии к России имело чрезвычайно большое значение для региона, претерпевшего в указанный период по-разному оцениваемые историками политические, социально-экономические, демографические и культурные трансформации. Автор приходит к выводу, что развитие региона не предполагало конфликтности, в частности на этнической почве.

Annotation: The article analyzes the particularities of the period in the history of Bessarabia and Pridnestrovie after the events of the Russo-Turkish war of 1806–1812 and until the beginning of the XXth century, and assesses the importance of the Treaty of Bucharest, in accordance with which Bessarabia was joined to the Russian empire based on the outcome of the military confrontations. The terms of the Treaty of Bucharest were important for the population of the region, because had Bessarabia in 1812 remained under the rule of the Ottoman Empire, then at the end of the XIXth century it would have become, along with the rest of historic Moldavia, part of the Romanian state. The modest autonomous beginnings and especially the privileges, which were accorded to Bessarabia by Russia in 1812–1818 and prescribed in the Statute of 1813 and in the Articles of 1818, had a positive effect on the economic development of the region, on its population settlement. The analysis of the socio-economic and ethnic processes in the Dniestr basin, on the basis of published sources and periodicals, clearly indicates a positive influence from the unification of Bessarabia to Russia, to the formation of a historic region with its own patterns of political, social and economic development, and to a dialogue of traditions and cultures between different ethnic groups. The joining of Bessarabia to Russia had an extremely important meaning for the region, which in this period had experienced political, socio-economic, demographic and cultural transformations, differently interpreted by historians. The author comes to the conclusion that the development of the region did not cause contestation, including on the ethnic ground.

Ключевые слова: этничность, Россия, Российская империя, Бессарабия, Молдавия, Приднестровье, Османская империя, идентичность, молдавофильство, румынизм.

Key Words: Ottoman empire, Pridnestrovie, Moldavia, Bessarabia, Russian empire, Russia, ethnicity, identity, moldavophilism, roumanism.

По условиям Бухарестского мирного договора 1812 г., завершившего Русско-турецкую войну 1806–1812 гг., основная часть современной Молдовы – Бессарабия вошла в состав России. Быв-

шее Молдавское княжество было поделено на три части. Одна часть – Буковина – входила в состав Австрийской империи. Другая часть – территория Днестровско-Прутского междуречья (от Буковины до дельты Дуная), названная

с 1813 г. Бессарабией (до этого Бессарабией назывался лишь юг Днестровско-Прутского междуречья)¹, – стала составной частью России, а оставшаяся часть Молдавского княжества оставалась в составе Османской империи, являясь данницей турецкого султана. В 1859–1861 гг. эта часть объединилась с Валахией и образовала Румынию, в результате чего была ликвидирована молдавская государственность, существовавшая с середины XIV века².

В своих войнах с Османской Турцией Россия руководствовалась несколькими побудительными мотивами, в числе которых были и геополитическое устремление на юг, к Дунаю, на Балканы, к Проливам, и желание содействовать освобождению поработанных единоверцев, несмотря на то что применительно к кампании 1806–1812 гг. следует указать на сугубо прагматичную цель России – путем силового давления не допустить вхождения Турции в орбиту влияния наполеоновской Франции. Таким образом, война России с Портой, приведшая к присоединению Бессарабии, стала побочным явлением нового этапа противостояния России и Франции. Однако Петербург не мог не принимать в расчет и то обстоятельство, что со времен господаря Георгия Стефана (1655) до 1812 г. Молдавское княжество по меньшей мере 17 раз обращалось с просьбой о присоединении к России³. После вхождения в состав России в Бессарабии 100 лет не было войн (а за рекой Прут они бушевали в 1821, 1848, 1849, 1828–1829, 1853–1856, 1877–1878 гг.)⁴.

После заключения Бухарестского мирного договора в 1812 г. общее положение в Бессарабии, особенно в сфере экономики, было заметно лучше, чем в Молдавском княжестве, еще оставшемся в составе Османской империи. В связи с этим говорить о каком-либо антирусском политическом движении в составе России на землях не только Бессарабии, но и вошедших несколько ранее (по условиям Ясского мирного договора 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.)) в Россию землях левобережного Приднестровья,

не приходится⁵. В целом начиная с первого же десятилетия после присоединения левобережного Приднестровья и Бессарабии к России в крае происходило оживление общественно-политической жизни⁶. В этот период на указанных территориях активно распространяются российское законодательство, административная система, культура и образование, укрепляется православие за счет ослабления католичества, мусульманства и практически полного упразднения униатства⁷.

В 1812 г. был издан императорский Манифест, которым устанавливалось, что для присоединенного края «остается навсегда в силе использование местных законов, обычаев и привилегий»⁸. Была сохранена административно-территориальная структура, традиционная для молдавских земель. Согласно Уставу образования Бессарабской области от 29 апреля 1818 г. «переписка, дела в Верховном Совете рассматривались на русском и молдавском языках, как потребуются...»⁹ (т. е. молдавский язык имел статус официального). Согласно Бухарестскому мирному договору население в течение одного года могло предпринимать меры по улаживанию своих дел относительно недвижимого имущества на левом берегу Прута. До 1873 г. переход из одной части Молдовы в другую был относительно свободным¹⁰. Судебная система края еще во второй половине XIX в. продолжала пользоваться сводом законов Андронаки Дониача, изданным в 1814 г. в Яссах, более того, он использовался на обоих берегах Прута. Как указывалось, впервые за всю свою историю эти земли не знали войн – с 1812 по 1912 г., что открывало возможности для развития всех областей жизни общества. Наблюдался существенный прирост населения (в 1812 г. – 256 тыс., в 1859 г. – 941 тыс. человек, число горожан выросло почти в 4 раза), при том что доля прибывших из-за пределов края не превышала 31%. До 1873 г. молдаване были освобождены от рекрутской повинности¹¹ (с 1 января 1874 г. вместо рекрутской повинности была

¹ Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 194.

² Гросул В. Я. Молдавия в составе России и СССР // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995. С. 114–115.

³ Харитонова Н. И., Каширин В. Б. Прорыв двенадцатого года. Бухарестский мир и вхождение Бессарабии в состав России // Родина. № 6, 2014. С. 10–11.

⁴ Виноградов В. Н. Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 24.

⁵ Гросул В. Я. Русофилы и русофобы в истории Молдавии // Россия и страны ближнего зарубежья. М., 1997. С. 65–66.

⁶ Историческое значение присоединения Бессарабии и левобережного Поднестровья к России. Кишинев, 1987. С. 170–171.

⁷ Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье // Молдавия. Современные тенденции развития. М., 2004. С. 367.

⁸ Цит. по: Степанюк В. Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006. С. 137.

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003. С. 240–244.

введена всеобщая воинская повинность), развивалось образование.

Россия активно экономически осваивала эти земли – прокладывались железные дороги, телеграф, повышалась продуктивность сельского хозяйства и т. д. Целый ряд молдавских историков считает, что те незначительные автономные начала и особенно льготы, которые были предоставлены Россией Бессарабии в 1812–1818 гг. и зафиксированы в Положении 1813 г. и Уставе 1818 г., имели положительное значение для экономического развития края, его заселения. В силу всего изложенного справедливым представляется мнение современного историка из Молдовы В. Степанюка о том, что российская политика в крае «охраняла и сохраняла национально-государственное сознание, неизбывную веру в возрождение молдавской государственности»¹². П. Шорников напоминает в связи с этим, что Александр I предоставил Бессарабии административную автономию, Верховный совет области обладал законодательными правами, руководители местной администрации, даже полицейские начальники (исправники), избирались населением. Молдавские бояре получили статус русских дворян; молдаване на протяжении всего столетия составляли в Бессарабии большинство чиновников. Правовое положение молдавских крестьян было лучше, чем русских крепостных: крепостное право в Бессарабии не было допущено. Молдавский язык сохранил официальный статус: он использовался в делопроизводстве, официальном обращении, судопроизводстве, богослужении. Во время войн и стихийных бедствий российские правители, даже Николай I, освобождали жителей Бессарабии от уплаты податей, предоставляли им другие льготы. Молдаване массами переселялись из-за Прута в «оккупированную» Бессарабию¹³.

Что касается этнического аспекта, то нынешняя структура населения Приднестровья сложилась в главных чертах в конце XVIII–XIX вв. Н. В. Бабилунга в связи с этим подчеркивает, что «именно в течение двух последних веков происходило становление определенной этносоциальной приднестровской общности»¹⁴. В

XVIII в. население состояло из: запорожских и малороссийских выходцев, поселившихся здесь до 1790-х гг.; молдаван, «переселившихся или переезженных из-за Днестра»; крестьян, переселенных помещиками, получившими здесь земли с 1792 по 1797 г.; греков, арнаутов, сербов и «других иностранцев, переселенных правительством»; «казенных поселян, привезенных изнутри России по проекту о Вознесенском наместничестве»; беглых из Польши и России, «давно уже выдворившихся или которых поселили помещики на дарованных землях»¹⁵. На протяжении 60–90-х гг. XVIII в. левобережные районы Приднестровья усиленно осваивались выходцами из Молдавского княжества, после заключения Ясского мирного договора эти земли стали в большей степени осваиваться украинско-русскими переселенцами. Так, в 1792 г. в крае 49% населения составляли молдаване, в 1799 г. – 39,1%, в середине XIX в. процент молдаван в составе населения левобережья составлял уже 17%, в то время как украинцев – 54,1%¹⁶. В XIX в. малороссы составляли 43,2% населения края, молдаване – 32,4%, великороссы – 6,9%, немцы – 10,0%, болгары – 5,1%¹⁷. Что касается конфессионального состава населения, то во второй половине XIX в. в Херсонской губернии проживали: «православных и единоверцев – 80,2%, старообрядцев и уклоняющихся – 1,0%, католиков (римо-католиков) – 3,5%, протестантов – 2,7%, остальных христиан – 0,1%, магометан – 0,1%, иудеев – 1,2%»¹⁸.

В таких условиях интенсивно протекали процессы взаимной ассимиляции разнообразных этнокультурных общностей, взаимопроникали традиции, исторические навыки и опыт разных народов. В связи с этим приднестровские исследователи настаивают на точке зрения, в соответствии с которой вышеперечисленное привело к постепенному формированию особого психологического типа людей, проживающих в Приднестровье. Так, важнейшими отличительными чертами характера становились терпимость, открытость, дружелюбие, без которых нормальная жизнедеятельность как общества в целом, так и отдельных индивиду-

¹² Степанюк В. Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006. С. 142.

¹³ Шорников П. М. Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинев, 2009. С. 15.

¹⁴ Бабилунга Н. В. Территориальная идентичность как фактор политической стабильности Приднестровья // Этническая мобилизация и межэтническая стабилизация. М., 1999. С. 188.

¹⁵ Цит. по: Дорох Т. Народонаселение левобережного Поднестровья XVIII – начала XX вв. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. С. 96.

¹⁶ Бабилунга Н. В. Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация? Кишинев, 1990. С. 49-50.

¹⁷ Дорох Т. Народонаселение левобережного Поднестровья XVIII – начала XX вв. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. С. 101.

¹⁸ Цит. по: Дорох Т. Народонаселение левобережного Поднестровья XVIII – начала XX вв. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997. С. 102.

умов была бы здесь невозможна, полагает специалист по истории Молдавии и Приднестровья Б. Г. Бомешко: «Особый приднестровский менталитет, отвергающий любые формы нетерпимости, одномерности, корпоративно-этнической замкнутости, складывался на протяжении двух столетий в ходе ассимиляционных процессов»¹⁹.

Здесь необходимо отметить, что рассматриваемый период важен для историографии и для понимания различий в оценках приднестровского конфликта, т. к. в это время складываются основы «идеологии единства молдавской и румынской наций», «идеи чистоты румынской нации», во многом ставшие причиной не только исторических споров, но и современных крупных политических катаклизмов, до сих пор не нашедших своего решения. В. Я. Гросул считает, что ни о какой чистоте нации не может быть и речи; точно так же и тезис о чисто романском происхождении молдаван не имеет никакой связи с истинной наукой. Весьма давний также и романско-славянский синтез, и, собственно, результатом его, хотя и не только его, является появление молдаван как отдельной народности²⁰. К примеру, в молдавском языке примерно 25–30% основного словарного состава – это слова славянского происхождения²¹. Н. В. Бабилунга также подчеркивает, что две нации (молдавская и румынская), имеющие общие корни, и поныне не утратившие близости и родства по общности исторических судеб, предков, культурных традиций и духовных воззрений, по общности классиков литературы, искусства, по общности языка. «Тем не менее это две самостоятельные и различные нации, сформировавшиеся в различных государствах, в различных условиях, на различных почвах»²². Более того, молдавская национальная идея включала ориентацию на государственность России/СССР. «У молдаван развито чувство молдавского этнического происхождения, а не румынского, – настаивает П. М. Шорников. – Румынский язык молдаване плохо понимали, считали испорченным молдавским и имитировать не пытались»²³.

¹⁹ Бомешко Б. Г. Приднестровье: годы созидания // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000. С. 119.

²⁰ Гросул В. Я. Русофилы и русофобы в истории Молдавии // Россия и страны ближнего зарубежья. М., 1997. С. 59.

²¹ Гросул В. Я. Молдавия в составе России и СССР // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995. С. 111.

²² Бабилунга Н. В. Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация? Кишинев, 1990. С. 96.

²³ Шорников П. М. Одно Отечество, и враг один // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000. С. 79.

Однако существует и другая концепция, прямо конкурирующая с приведенной выше, – она популярна среди части современных молдавских и румынских историков и также весьма политизирована. Она состоит в том, что валахи и молдаване образовали единый народ, получивший современное название «румыны». Т. е. до недавнего времени множество работ, написанных в Молдове, Румынии, в западных странах, были сосредоточены на доказательстве ложности утверждения о существовании молдавской этнической идентичности, по их мнению, являющейся «продуктом советской пропаганды». Имелось в виду, что «молдаване – это фактически румыны» или в крайнем случае «бессарабские румыны»²⁴.

Сама идея «румынофильства» пришла из Трансильвании, и ее концентрированное выражение заключалось в том, что все восточные романские народы – это один народ, даже одна нация. Получив в 1699 г. сюзеренитет над Трансильванией, монархия Габсбургов взяла курс на духовный раскол православных валахов. В 1701 г. в княжестве была учреждена подчинявшаяся Риму униатская церковь. Немного позднее группа трансильванских писателей и лингвистов (С. Мику-Кляйн, П. Майор, Г. Шинкай и др.) приступила к распространению в народе идеи, согласно которой валахи являются потомками римлян. Авторы трансильванских хроник иногда называли родной язык «римским». Поэтому работа по «очищению» валашского языка от славянизмов шла в русле создания румынского языка. Как указывает П. Шорников, идеология румынизма, нацеленная на смену культурного кода трансильванских валахов, отчуждала их от молдаван и мунтян, а также от славянских народов, укрепляя их зависимость от Габсбургов, поэтому монархия и поддерживала ее распространение. В 1780 г. было положено начало переводу валашской письменности с традиционной кириллицы на латинскую графику. В 30-х гг. XIX в. начал обращение двойной этноним «валахо-румыны». А после объединения Молдавии и Валахии в 1859 г. процесс нациестроительства, как и в большинстве случаев, шел по принципу утверждения мифа об однородности населения в границах «национального» государства. Восточные романцы стали объектом притязания нового Румынского

²⁴ См.: Istoria românilor din Transnistria. Edit. Eminescu. Galați, 1994; Gh. I Brătianu, Recheres sur Vicina et Cetatea Albă, București, 1935.; Rotaru F. Românitatea în Transnistria. Edit. Semne. București, 1996; I.S. Nistor, Istoria românilor din Transnistria. București, 1995; Савин А. Забытая Молдова // URL: <http://www.mdn.md/ru/index.php?day=2087> (дата обращения 09.08.2008) и т. д.

государства, в решении этих задач румынская историография работала на цели правящих кругов, направленные на изменение национально-культурной идентичности молдаван²⁵. Отсюда с середины XVII в. берет свое начало некоторое раздвоение национального самосознания среди молдаван. Подавляющее его большинство, прежде всего крестьянство, по-прежнему считают себя молдаванами, но среди господствующих слов выделяется поначалу очень незначительная группа румынофильской ориентации. В числе основателей этого направления в Молдавии оказался один из виднейших литераторов того времени Мирон Костин. К числу противников России они не относились. Но в дальнейшем именно среди румынофилов усиливаются не только антирусские, но и откровенно русофобские настроения²⁶. Историк К. Рэдулеску-Мотру, изложивший в начале 30-х – начале 40-х гг. XX в. основные постулаты идеологии румынизма, в трактатах «Румынизм», «Румынская идентичность», «Национализм» и других работах определил румынизм как объяснение румынской этничности. Согласно концепции румынизма пик национального торжества румын был достигнут в 1918 г., когда Румынии удалось аннексировать Трансильванию, Бессарабию и Северную Буковину²⁷. В итоге «новая» историческая наука Республики Молдова с начала 1990-х гг. восприняла именно такую методологию и идеологию, в соответствии с румынской исторической традицией также став частью политики пан-румынизма. Взятый с начала 1990-х гг. в Молдове курс на написание истории как науки, находящейся на орбите «национальных» ценностей, привел к возникновению нового идейного тоталитаризма и к явной монополизации исторической истины, когда «истинным» объявляется лишь то, что работает на объединение с Румынией.

Вместе с тем образование нового государства Румынии в 1859–1861 гг. не вызывало в бессарабских и приднестровских районах значительного отзвука. В. Я. Гросул в связи с этим подчеркивает, что «нет каких-либо серьезных данных, чтобы были хоть сколько-нибудь заметные слои населения, которые были бы за включение в состав нового государства Бессарабии, и абсолютно никаких данных о желаниях такого рода

в Приднестровье»²⁸. Более того, после Февральской революции 1917 г. в Бессарабии наблюдался подъем национального движения и как следствие – создание Молдавской национальной партии. Ее программа носила откровенно молдавофильский характер: в ней ни разу не упоминаются ни Румыния, ни румыны, но говорится, что молдаване будут бороться за свои права – национальные и прочие – вместе со всеми народами России. Программа отнюдь не предусматривала выхода Бессарабии из состава России и среди прочего предусматривала сближение бессарабских молдаван с молдаванами левобережного Приднестровья²⁹.

Одним из немногих западных исследователей, кто ставит под вопрос утверждение о том, что валахи и молдаване образовали единый народ, именуемый «румынами», является американский ученый Чарльз Кинг³⁰. Кроме того, следует отметить существование западных публикаций, в которых весьма критически оцениваются претензии Румынии на Бессарабию. В 1970–1980-е гг. именно американские специалисты С. Фишер-Галац, Дж. Кэмпбелл, Ш. Спектор, Т. Джильберг, П. Михельсон и другие, внимательно отслеживая процессы, происходившие в румынской исторической науке эпохи Чаушеску, и ее преемственность на протяжении столетия, отмечали ее «националистический, поистине шовинистический характер» и «превращение в часть политики». Как писал старейшина американского румыноведения С. Фишер-Галац, в силу того, что факты, необходимые для обоснования румынских претензий на территории, составлявшие по окончании Первой мировой войны «Великую Румынию», отсутствуют или являются неубедительными, румынским историкам «пришлось овладеть искусством импровизации, зачастую доходящей до мифотворчества. Многие выдвигаемые ими теории и концепции можно квалифицировать как исторические мифы, противоречащие действительности, заведомо ложные и даже откровенно абсурдные»³¹. А немецкий аналитик М. Стой в специальном исследовании, посвященном взаимосвязи истории и политики в Румынии 1965–1980 гг., подчеркивал, что для политиков

²⁵ Шорников П. М. Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинев, 2009. С. 35-36.

²⁶ Гросул В. Я. Русофилы и русофобы в истории Молдавии // Россия и страны ближнего зарубежья. М., 1997. С. 63.

²⁷ Шорников П. М. Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинев, 2009. С. 35-36.

²⁸ Там же. С. 66-67.

²⁹ Там же. С. 69.

³⁰ King Ch. Language, Politics and Ethnicity in Moldova // The Soviet Union in Eastern Europe, 1945–1989. L.: St. Martin's Press, 1994. P. 63-93; King Ch. The Moldovans. Romania, Russia and the Politics of Culture. Stanford, 2000.

³¹ Fischer-Galati, Stephen. Myths in Romanian History // East European quarterly. 1981. № 3. P. 329.

и историков из Бухареста «бессарабский вопрос является своего рода навязчивой идеей»³².

Идеи румынизма не распространялись за Днестром, поэтому молдавское население в Приднестровье не было подвержено воздействию данной идеи. На правом же берегу Днестра к ней благосклонно относилась лишь небольшая часть молдавской интеллигенции, что, однако, все же имело последствия в конце XX в. Пока же благоприятная ситуация в приднестровских землях, сложившаяся после 1792 г. и в Бессарабии – после 1812 г., продемонстрировала, что православная Россия, набиравшая силу на европейской арене, может стать гарантом стабильности в Карпато-Днестровском регионе. Этнонациональная политика Российской

империи в Приднестровье и Бессарабии, носившая мирный характер, обусловила сохранение чрезвычайного многообразия этносов, сосуществовавших здесь на протяжении более чем двух веков.

Таким образом, учитывая все вышеуказанное, в т. ч. особенности формирования полиэтничной и поликультурной общности в Приднестровье и Бессарабии, можно предположить, что этническая и территориальная составляющие указанного региона не предполагали какой бы то ни было конфликтности, в частности на этнической почве. По крайней мере это предположение правомерно по отношению к периоду, когда на этой территории не существовало еще собственной государственности.

Библиография:

1. Бабилунга Н. В. История Приднестровья // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000.
2. Бабилунга Н. В. Население Молдавии в прошлом веке: миграция? ассимиляция? русификация? Кишинев, 1990.
3. Бабилунга Н. В. Территориальная идентичность как фактор политической стабильности Приднестровья // Этническая мобилизация и межэтническая стабилизация. М., 1999.
4. Бомешко Б. Г. Приднестровье: годы созидания // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000.
5. Виноградов В. Н. Бессарабия – камень преткновения в российско-румынских отношениях // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994.
6. Гросул В. Я. Молдавия в составе России и СССР // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995.
7. Гросул В. Я. Русофилы и русофобы в истории Молдавии // Россия и страны ближнего зарубежья. М., 1997.
8. Гросул В. Я., Гузенкова Т. С. Приднестровье // Молдавия. Современные тенденции развития. М., 2004.
9. Дорох Т. Народонаселение левобережного Поднестровья XVIII – начала XX вв. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. Тирасполь, 1997.
10. Историческое значение присоединения Бессарабии и левобережного Поднестровья к России. Кишинев, 1987.
11. Стати В. История Молдовы. Кишинев, 2003.
12. Степанюк В. Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006.
13. Харитонов Н. И., Каширин В. Б. Прорыв двенадцатого года. Бухарестский мир и вхождение Бессарабии в состав России // Родина. 2014. № 6.
14. Шорников П. М. Одно Отечество, и враг один // Феномен Приднестровья. Тирасполь, 2000.
15. Шорников П. М. Поля падения. Историография молдавской этнополитики. Кишинев, 2009.

References (transliterated):

1. Babilunga N. V. Istoriya Pridnestrov'ya // Fenomen Pridnestrov'ya. Tiraspol', 2000.
2. Babilunga N. V. Naselenie Moldavii v proshlom veke: migratsiya? assimilyatsiya? rusifikatsiya? Kishinev, 1990.
3. Babilunga N. V. Territorial'naya identichnost' kak faktor politicheskoi stabil'nosti Pridnestrov'ya // Etnicheskaya mobilizatsiya i mezhethnicheskaya stabilizatsiya. M., 1999.
4. Bomeshko B. G. Pridnestrov'e: gody sozidaniya // Fenomen Pridnestrov'ya. Tiraspol', 2000.
5. Vinogradov V. N. Bessarabiya – kamen' pretkoveniya v rossiisko-rumynskikh otnosheniyakh // Ochagi trevogi v Vostochnoi Evrope. M., 1994.
6. Grosul V. Ya. Moldaviya v sostave Rossii i SSSR // Rossiya i strany blizhnego zarubezh'ya: istoriya i sovremennost'. M., 1995.
7. Grosul V. Ya. Rusofily i rusofoby v istorii Moldavii // Rossiya i strany blizhnego zarubezh'ya. M., 1997.
8. Grosul V. Ya., Guzenkova T. S. Pridnestrov'e // Moldaviya. Sovremennye tendentsii razvitiya. M., 2004.
9. Dorokh T. Narodonaselenie levoberezhnogo Podnestrov'ya XVIII – nachala XX vv. // Ezhegodnyi istoricheskii al'manakh Pridnestrov'ya. Tiraspol', 1997.
10. Istoricheskoe znachenie prisoedineniya Bessarabii i levoberezhnogo Podnestrov'ya k Rossii. Kishinev, 1987.
11. Stati V. Istoriya Moldovy. Kishinev, 2003.
12. Stepanyuk V. Gosudarstvennost' moldavskogo naroda. Kishinev, 2006.
13. Kharitonova N. I., Kashirin V. B. Proryv dvenadtsatogo goda. Bukharestskii mir i vkhozhdenie Bessarabii v sostav Rossii // Rodina. 2014. № 6.
14. Shornikov P. M. Odno Otechestvo, i vrag odin // Fenomen Pridnestrov'ya. Tiraspol', 2000.
15. Shornikov P. M. Polya padeniya. Istoriografiya moldavskoi etnopolitiki. Kishinev, 2009.

³² Stoy, Manfred. Politik und Geschichtswissenschaft in Rumänien 1965-1980. Die Historiographie über den Zeitraum von der Gründung der Fürstentümer Moldau und Walachei bis 1859 // Sudost-Forschungen. 1982. B. 41. S. 259.